

Юрий Овтин

Лицо одесской национальности

Внукам моим, Льву и Софье,
родившимся в год 220-летия Одессы, посвящается

Одесса волею судеб стала мне Родиной в десятилетнем возрасте в далеком 1958 году, когда наша семья перебралась в этот прекрасный цветущий город на берегу Черного моря по месту новой службы отца. В этот город я влюбился с первого взгляда, раз и навсегда. С годами любовь моя крепла, становясь все сильнее, поскольку я мог уже сравнить красавицу Одессу с десятками других красивейших городов мира из сорока двух стран, в которых мне посчастливилось побывать...

И Одесса все эти годы отвечала мне взаимностью. Я стал для нее в доску свой, и мало кто знает о том, что я не являюсь кореным одесситом...

...Как-то на Дерибасовской ко мне подошли знакомые ребята с одного из городских телеканалов. Они снимали какой-то сюжет о нашем городе и попросили меня назвать трех наиболее выдающихся одесситов. Я задумался...

– Жванецкий, Бабель, Ойстрах, Утесов, – со всех сторон подсказывали мои друзья и подошедшие к нам празднующие одесситы...

Собравшись с мыслями, я сказал, что город наш, уже не знаю в силу каких причин и обстоятельств, является альма-матерью для многих талантливых людей, но гений, живший в Одессе и тем самым прославивший ее, – один, и имя гению – Александр Сергеевич Пушкин. Ну а второе и третье места, недолго думая, я поделил между двумя лауреатами Нобелевской премии, работавшими

в Одессе и оставившими здесь свой глубокий след: Иваном Бунным и Ильей Мечниковым.

Ответ мой, по-видимому, был настолько неожиданным, что в воздухе повисла небольшая пауза – все на мгновенье замолчали, переваривая сказанное.

– Но ведь все они не коренные одесситы! – воскликнул кто-то из местных знатоков!

– Да, но все они лица одесской национальности, – весомо возразил мой товарищ, одессит в шестом колене Виля Новицкий, и ответ его устроил всех. Отснятый сюжет пошел в эфир.

...Одессит! Слово это хоть и звучит гордо, но применимо, увы, далеко не к каждому одесситу, даже родившемуся в Одессе.

За 220 лет своего существования Одесса находилась как бы на пересечении украинских, русских, еврейских, греческих, молдавских, французских и итальянских национальных потоков, создав свой автономный микроэтнос в восточноевропейском плавильном котле племен и народов. Апофеозом гордости одесситов был даже свой одесский язык! Увы, сегодня «жемчужина у моря», некогда всемирно известная столица юмора, постепенно приобретает репутацию заштатного областного центра, забывшего своих богов, кумиров и муз...

...Мой новый сосед, симпатичный молодой человек, предприниматель, после того как вселился в квартиру, первым делом навесил здоровенные замки на электрический шкаф со счетчиками, забыв раздать соседям ключи и сэкономив на этом пару копеек...

На мой вопрос, как я смогу открыть в случае необходимости этот шкаф, он, мило улыбнувшись, ответил, что в любое время суток готов дать мне вождеденные ключи.

– Так что же это получается, – не отставал я от него, – каждый раз в случае нужды я должен буду просить у вас ключи, как шолохмунес?

– А что такое шолохмунес? – с интересом переспросил он меня.

– Вы что, не одессит? – искренне удивился я.

Оказалось, что он коренной одессит, родился в роддоме № 4 и всю жизнь прожил на Пересыпи, но слово «шолохмунес» слышал впервые.

Да что там молодежь! В парилке бани на улице Провиантской знакомые пенсионеры, паря друг друга дубовыми вениками, рассказывают в тему анекдот:

«Подходит в парилке один мужик к другому и спрашивает:

– Скажите, вы случайно не из Бердичева?

– Да, – отвечает тот, – а как вы об этом догадались?

– Ой, вы знаете, только в Бердичеве местный ребе так безобразно делает обрезание!»

Вся компания весело смеется.

– Одно уточнение, – пытается блеснуть своей «эрудицией» один из седовласых знатоков, – ребе обрезание не делает, для этих целей есть резник.

– Какой еще резник? – кричит его товарищ. – Резники на Привозе и Новом рынке резали птицу.

И компания начинает хохотать снова.

И никому невдомек, что обрезание делает специалист, который называется мозль.

А ведь для этого даже не надо быть немножечко евреем...

Увы, традиции одесского языка теряются безвозвратно.

Не так давно в Одессе был увековечен в бронзе талантливый одесский писатель Исаак Бабель.

Вместе с тем сегодня у нас мало говорится о том, что истинным «пионером» одесской, или так называемой русско-еврейской литературы, был Осип Аронович Рабинович. В трехтомное собрание его сочинений входят роман «Калейдоскоп», повести «Наследственный подсвечник», «Штрафной» и др. Однако наибольшую известность получила его повесть «История о том, как реб Хаим-Шулим Фейгис путешествовал из Кишинева в Одессу, и что с ним случилось». Осип Рабинович работал в Одессе адвокатом коммерческого суда и публичным нотариусом. Он был создателем первого русско-еврейского журнала «Рассвет», призванного отстаивать гражданские и национальные интересы евреев, и был его редактором до закрытия издательства, вел активную общественную деятельность: был гласным Одесской городской думы, участвовал в подготовке проекта нового городского уложения.

Произведения Осипа Ароновича Рабиновича печатались не только в столичных журналах «Современник», «Библиотека для чтения», но и в элитном московском «Русском вестнике».

И благодаря его редакторским пояснениям читатели всей огромной империи узнавали, что означает «мешурес», «паскудняк»,

«шлимазальница», «маганизер», «кельня» и иные словечки одесского производства. Рабинович даже ввел само понятие «одесский язык» – язык одесский, плавный и скользкий, как прованское масло, с легким букетом померанцевой корки.

Из-за огромной популярности Осипа Ароновича Рабиновича другой всемирно известный писатель и его однофамилец Шломо Нохумович Рабинович вынужден был взять себе псевдоним Шолом-Алейхем.

Ну чем не бренд для Одессы?

Загвоздка лишь в том, что хоть и прожил всю свою сознательную жизнь Осип Аронович Рабинович в Одессе и прославил город своим трудом и творчеством, коренным одесситом он не был, потому как родился в с. Кобеляки Полтавской губернии.

Словом, лицо одесской национальности!

Или, скажем, народный артист Украины Петр Соломонович Столярский, основавший в Одессе первую в СССР специальную музыкальную школу-десятилетку для одаренных детей. Маэстро Столярский любил одесский язык и слыл весьма остроумным человеком, настоящим одесситом.

Чего только стоит его крылатая фраза:

– Ваш мальчик – обыкновенный гениальный ребенок.

А родился Петр Соломонович в уездном городке Липовце.

Тоже лицо одесской национальности!

И таким примерам несть числа! Ощущение такое, что двухсотдвадцатилетнюю историю Одессы писали не столько коренные одесситы, сколько немножко украинцы, немножко евреи, немножко молдаване, немножко русские, словом, та многонациональная палитра, заселившая город и пустившая здесь корни, – лица одесской национальности.

Решил разобраться в своей родословной и я сам, что сегодня сравнительно несложно сделать, имея доступ во всемирную паутину Интернет.

...Мой дедушка по материнской линии Георгий Климентьевич Кузнецов родился в многодетной семье на Херсонщине в городе Геническе. Окончив юнкерское училище, он пошел служить в царскую армию и дослужился до штабс-капитана.

Воевал с немцами в первую мировую войну.

Когда началась революция, дед снял погоны и осел в Белоруссии, женившись на местной девушке Нине Аркадьевне, белоруске с польскими корнями. Оба работали в школе: дедушка преподавал математику, а бабушка немецкий язык. Жили они дружно, завели двоих детей: сына Аркадия и дочь Зою, мою будущую мать. Деда назначили директором школы. И все бы ничего, но в 1937 году на него написали донос, и «загремел» дед решением «тройки» на десять лет в исправительно-трудовые лагеря за «контрреволюционную деятельность».

Смириться с этим бабушка никак не могла, и поехала она на прием к председателю Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Ивановичу Калинин, что по тем временам тянуло на подвиг. Как ей удалось попасть к самому «старосте всея Руси», документальных свидетельств в архивах нет, но благодаря именно Калинин дедушка был вчистую реабилитирован в 1939 году. Во время Великой Отечественной войны семья, спасаясь от оккупации, переехала в Уфу (их сын и мой родной дядя Аркадий пошел воевать и погиб, сгорев в подбитом танке), а после освобождения Белоруссии вернулась на родину. В 1946 году их дочь Зоя (моя будущая мать) вышла замуж за боевого офицера Петра Степановича Овтина (моего будущего отца). И вот тут-то начинается самое интересное, чуть ли не полумистическое. Моя бабушка по отцовской линии Овтина Клавдия Петровна (в девичестве Калинина) оказывается племянницей, да-да, того самого Михаила Ивановича Калинина, благодаря усилиям которого дедушка Георгий Климентьевич Кузнецов был реабилитирован.

Отец мой Овтин Петр Степанович родился на Южном Урале, в местах, где компактно проживают так называемые малые народы, относящиеся к финно-угорскому этносу: удмурты, эрзи, мокши-мордвины и марийцы. Собственно говоря, фамилия наша – Овтин – в переводе с эрзийского языка, имеющего глубокие финно-угорские корни, означает Медведев. Отец мой вместе со своими братьями Николаем и Сергеем и их отцом и моим дедом Степаном победно прошли по фронтовым дорогам Великой Отечественной войны. Не дожил до Победы лишь Сергей, который погиб на берегу Волги, прикрывая товарищей. А их мать и моя бабушка Клавдия Петровна с двумя дочерьми, Анной

и Риммой, работали в колхозе. Разобраться с ее родословной я попробовал, прочитав биографию Михаила Ивановича Калинина. И когда узнал, что женат он был на эстонке Лемберг (эстонцы также относятся к финно-угорской группе), понял, что финская кровь в мои жилы попадала дважды.

Вот это коктейль! Сразу и не поймешь, какая нация в твоей крови титульная.

Да тут еще пришла на ум одесская поговорка, что бьют не по паспорту а, пардон, по морде, и я вспомнил еще одну забавную историю...

...Как-то мне позвонил мой хороший знакомый Григорий, известный в городе адвокат. Он сказал, что хочет зайти ко мне на работу с ребе, которому надо помочь отпечатать некую рукопись.

В назначенное время я ждал их у себя в издательстве. Надо сказать, что ребе произвел на меня неизгладимое впечатление. Высокий, под два метра, плотного телосложения, с крупными чертами лица и шапкой густых черных волос, с большой окладистой бородой, усами и пейсами, облаченный в долгополый черный сюртук, с кипой на макушке, он как бы заполнил все пространство моего кабинета.

Я предложил своим гостям кофе и достал из сейфа по такому случаю бутылку хорошего коньяка.

Ребе вынул из кейса рукопись и приступил к делу. Держался он весьма непринужденно и сразу перешел на ты.

– Юрий, – обратился он ко мне, – прошу тебя как еврей еврея: отпечатай мне эту книгу быстро, качественно и, самое главное, недорого.

Я не был евреем, однако такая постановка вопроса мне понравилась, и я решил подыграть ребе.

– Хорошо, – сказал я – как еврей еврею обещаю, что сделаю все возможное.

И попросил подчиненных быстро составить смету, сведя до минимума все накладные расходы.

Как ни старались наши сметчики, но сумма получилась довольно внушительная. Ребе выглядел огорченным и настаивал на снижении суммы, однако печатать убыточную продукцию мы позволить себе не могли.

– Понимаешь, – убеждал я его, – мы и так скалькулировали твою монографию практически по себестоимости. Если бы я был частным издателем, то, может быть, вынул бы деньги из своего кармана и оказал бы тебе благотворительность. Но издательство наше государственное, и ты, образно говоря, подталкиваешь меня залезть в карман государству, чего я себе категорически позволить не могу.

Ни выпитый коньяк, ни мои аргументированные убеждения растопить прагматичного ребе не могли. Ушел он весьма и весьма недовольным.

Прощаясь, он задержал в своей руке мою руку и, глядя мне прямо в глаза, сказал:

– Ты только не обижайся, Юрий, но как еврей еврею я должен тебе сказать, что из-за таких, как ты, нас, евреев, называют жидами...

Как это ни странно, но на ребе я нисколько не обиделся, отнюдь. Данная им характеристика запомнилась мне на всю жизнь как своеобразный знак качества...

...Одесса и сегодня в центре пересечения миграционных потоков. Благодаря строительному буму в городе интенсивно скупают квартиры киевляне и москвичи. А за последние несколько лет, в основном из-за кадровой политики бывшей правящей партии, в Одессу перекочевала чуть ли не половина Донецкой области. Продолжается естественный процесс ассимиляции из пограничных с городом районов и Приднестровья. И в этом нет ничего плохого. Приток свежей крови всегда шел на пользу. И Одесса всегда славилась своим интернационализмом. Поэтому последние события, которые потрясли наш мирный город, кажутся какой-то дикостью, чем-то из ряда вон выходящим. Политикам, стравливающим людей, пора понять одну непреложную истину: люди хотят жить хорошо и мирно.

И пример далеко не за горами, а в соседней Италии, Греции, Испании, где побывали, наверное, чуть ли ни все одесситы.

А для того чтобы хорошо жить, надо работать и прекращать заниматься болтовней. Пора ту же Одессу сделать наконец-то своеобразной офшорной зоной (ведь не дураки же были наши далекие предки, давшие два века назад молодому портовому городу статус порто-франко!). И потекут тогда к нам инвестиции

бурным потоком, поскольку капитал выбирает места, приносящие наибольшую прибыль.

А если к тому же предложить крупномасштабные проекты? Скажем, построить через Одесский залив автомобильный мост, соединив центр города с поселком Котовского? И это не страшно, если проезд по мосту будет платным. Ведь ему всегда будет альтернатива бесплатной объездной дороги. Или намыть в том же заливе искусственный остров? (Благодаря сегодняшним строительным технологиям это делается элементарно.) И расположить на нем своеобразную игорную Мекку, создав свой одесский Лас-Вегас (в котором, как известно, на два миллиона жителей приходится 100 казино, приносящих городу 10 миллионов долларов каждый день (!)).

Или, скажем, построить в области одесский Диснейленд? И ведь это не утопия, а вполне реальные вещи! Для их осуществления нужна самая малость – любить свой город, любить свой народ, а не заниматься мордобоем и самолюбованием в сенате...

И, наконец, немного о топонимике. Не знаю, как вас, читатель, а меня шокируют названия наших спальных районов, в каждом из которых проживает более 300 тысяч жителей: поселок Таирова и поселок Котовского (поскот). Предлагаю дать им новые имена, в честь итальянских и французских архитекторов, строивших Одессу: Совиньон и Палермо. Почему-то мне кажется, что одесситы это будут приветствовать.

...В тот день, когда я заканчивал свой рассказ, в том самом роддоме № 4, что на Пересыпи, у меня родилась внучка Сонечка. Прекрасный доктор Владимир Леонидович Кузьмичев, принимавший роды, сказал, что в этот день он принял роды у девяти матерей. И все родившиеся детки – девочки! А по старинному преданию, если рождается больше девочек, то это к миру. Будем надеяться и верить и мы в то, что этот год, год 220-летнего юбилея Одессы, станет годом долгожданного примирения и сплочения нации и всего народа Украины.

